

Угорь Дудинский

Записочки

Реденьки Монахова



# Игорь Дудинский

---

## ЗАПИСОЧКИ ДЕДЕНЬКИ МОНАХОВА

Мои обогащенные  
и великим друзьям Сережные и  
от автора. Рубе

Иг. Дудинский  
91г.

Москва  
Издательство "Прометей" МГПИ им. В. И. Ленина  
1990

ББК 84Р7 – 4  
Д81

Издано на средства автора

На обложке рисунок *Владимира ПЯТНИЦКОГО*

**Игорь Ильич Дудинский**

**ЗАПИСОЧКИ ФЕДЕНЬКИ МОНАХОВА**

Редактор С.А. Надеев  
Художественный редактор Г. Максименков  
Технический редактор Е. Терехова  
Корректор А. Бородин  
Мл. редактор М. Бородина

Сдано в набор 20.01.90. Подписано в печать 23.06.90. Формат 60 x 90/16. Бумага  
офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,5 Усл.кр.-отг. Уч.-изд.л. 3.  
Тираж 3000 экз. Цена 2 руб. ЗАК №149 К

Издательство "Прометей" МГПИ им. В.И. Ленина  
119048, Москва, ул. Усачева, 64.

Петит, Производственно-издательский комбинат ЦНИИ ТЭИ.

Д  $\frac{4702010201 -}{183 (2) - 90}$  без объявл.

ISBN3 – 1042 – 61 – 59-x

© Игорь Ильич Дудинский, 1990

# ЗАПИСОЧКИ ФЕДЕНЬКИ МОНАХОВА

...елку для Феденьки устроил и его пригласил. Очень Феденька обрадовался, что на этой елке деточек много было. Они Феденьку всей гурьбой окружили и наперебой ему всякие умненькие вопросики задавали. Как, мол, чтобы он им рассказал, ангелочки выглядят. Или еще разные другие вопросы спрашивали. А Феденька деточкам отвечал, что ангелочки так и выглядят, как их в книжках на картинках рисуют. Маленькие они и с крылышками, а крылышки у них из перышек. Еще у ангелочков волосики светленькие и кудрявенькие – вот как у той девочки.

А среди деточек одна девочка была, которая очень Феденьке понравилась. Она прямо как ангелочек выглядела. Тоже с кудряшечками светленькими, в очень прелестеньком голубеньком платьице с кружавчиками, и глазки у неё голубенькие были. И еще она худенькая и нервненькая была, всё у неё глазки как-то лихорадочно сверкали, на Феденьку поглядывая. Но она Феденьку внимательно очень слушала и только с ножки на ножку от нетерпения переступала и ерзала. А ножки у девочки длинненькие такие и стройненькие. Феденька на девочку залюбовался и слушать, что ему деточки отвечали, перестал, а потом опомнился и сказал: "Вот как эта девочка выглядит, так и ангелочки выглядят". И все деточки на эту девочку с завистью посмотрели. И очень это плохо, что они на девочку с завистью посмотрели, потому что деточек за их зависть Боженька Господь обязательно накажет. Феденька так прямо деточкам и сказал, что их Боженька Господь накажет, если они этой деточке будут завидовать, что она как ангелочек выглядит, а они не как ангелочки. А девочка к Феденьке подошла и шепотом ему говорит, но громко и как-то задыхаясь, очень потому что она, видно, разволновалась: "Феденька, – говорит, – у вас невесточки нет. Можно я вашей невесточкой буду?" Это она прямо как бы шепотом воскликнула.

Очень Феденька обрадовался, потому что ему эту девочку наблюдать нравилось, и когда он после елки, вдоволь с деточками наговорившись, домой к себе в свой подвальчик вернулся, то очень обрадовался, что у него теперь невесточка появилась.

В подвальчике, Феденька где живет, очень всегда темно, и ночью ничего там не видно, и днем света никогда не бывает. Феденька в этот свой подвальчик когда приходит, то свечечку в подсвечничек втыкает и зажигает. А в этот раз у Феденьки даже не одна свечечка была, а много. И он все их зажег. И сразу в подвальчике светло стало, у Феденьки и дрова в тот раз были, он печку растопил, и тепленько ему стало, хорошо так.

Сначала Феденька просто так без дела посидел, а после смотреть стал, как огонечки колышутся. Они все в такт все вместе туда-сюда двигались, а под каждым подсвечничком темный кружочек от тени получился, и все кружочки тоже одновременно чуть-чуть из стороны в сторону колыхались, размеренно туда-сюда двигались. Потом Феденька представлять стал, как батюшка священничек их с его невесточкой в церковке у себя венчать будет, скоро ведь Феденька со своей невесточкой повенчается. А венчаться Феденька больше всего на свете любит. Ему ни сладостей не давай, ни там конфеточек, ни там пирожных каких, а только разок дай повенчаться. Об этом Феденька только и думал, с елки когда вернулся, что Боженька Господь невесточку ему послал, и у него теперь невесточка есть.

Мороз на улице холоденьким таким стал, что Феденька сильненько замерз, и печка остыла, все дрова в ней сгорели, и она холодная стала. Феденька тулупчик одел и на скверик погулять отправился. По аллейкам ходил и деточек видел, как они со своими нянями гуляли. Только тогда немножко Феденька согрелся, когда до памятника Александру Сергеевичу Пушкину дошел, который в центре скверика его бюст установлен. Вокруг памятника деточки друг дружку на санках катали, а кто бабу лепил. Феденька очень на деточек залюбовался и пораздовался, что они все деточки такие богатые и сытенькие, их папы и мамы богатые, всех деточек своих перед тем как в скверик погулять отправить утром их вкусненько и досыта покормили, и оттого все деточки румянькие и сытенькие, с нянями чинно по аллейкам прогуливаются. И все с Феденькой вежливо здороваются.

Феденька только тех деточек любит, у которых папы и мамы богатые, а у которых папы и мамы бедные, то тех деточек он прямо до смерти ненавидит. Так им и надо, что их родители бедные и вкусненько деточек своих покормить не могут и в платьица и шубки нарядненькие деточек своих не могут одеть, таких деточек Феденька прямо ненавидит. У которых деточек родители бедные, те деточки самые злобные. И у которых папы и мамы рабочие, те тоже деточки злые, потому

что они бедные, и так им и надо, что они вкусненько не кушают и в шубках нарядненьких в скверике не играют. Это Боженька Господь этих деточек за то наказал, что они злобные, и так им и надо, что их папы и мамы бедные.

Летом вокруг памятника Александру Сергеевичу Пушкину песочницы стоят, где деточки играют, а зимой песочницы снежком засыпает, и деточки или на санках катаются, или бабу лепят. А снежками эти деточки не кидаются, потому что это только те деточки снежками кидаются, которые бедные, и Феденька их очень боится, особенно когда они снежками кидаются, и туда, где они живут, не ходит.

Деточки Феденьку возле памятника Александру Сергеевичу Пушкину обступили, он на лавочку сел, а деточки вокруг него встали, и он с ними разговаривал. И среди остальных деточек Феденька невесточку свою увидел, она глазками большущими на него смотрела и не моргала, глазки у неё на морозе лихорадочно поблескивали, и в них солнышко отражалось. Феденька на невесточку свою снова залюбовался и деточкам сказал, что его с ней скоро батюшка священничек в церкви повенчает. Еще Феденька деточкам сказал, чтобы они батюшку священничка слушались и в церковку часто ходили. И Боженька Господь их тогда не накажет, если они в Боженьку Господа бесконечно будут верить, и всегда папы и мамы им разненькие прянички и конфеточки будут дарить, а если они батюшку священничка слушаться не будут и в Боженьку Господа не бесконечно будут верить, то их Боженька Господь накажет, и они вместе с голодными и злыми деточками где мусорная свалка гулять будут, и Боженька Господь их в скверик никогда больше не пустит, и те деточки, которые злые, их колотить и снежками в них кидаться будут, и еще их всякими гадкими словами дразнить будут. Еще Феденька деточкам велел, чтобы они родителям своим передали, что всё равно Боженька Господь всех скоро накажет.

Деточки Феденьку про ангелочков всё спрашивали, которые у него в подвальчике за обоями поселились. Феденька деточкам сказал, что ангелочки в самом деле в подвальчике у него за обоями голубенькими живут, и очень им вместе хорошо и беззаботненько живется. Феденька в церковку ходит, ему папы и мамы ваши сладости всякие или там хлебушек дают, или денежку Феденьке дают, чтобы он хлебушек себе покупал и голодненьким чтобы Феденька не ходил, а чтобы Феденьке с ангелочками тепло и радостненько было. Толку, конечно, с ангелочков Феденьке никакого нет, и пользы они Феденьке никакой не приносят, но Феденька очень ведь добренький и ангелочков на мороз не выгоняет, а понимает, что ангелочки, если он их на мороз выгонит, все замерзнут и поумирают, потому Феденька ангелочков на мороз и не выгоняет.

Феденька пока с деточками разговаривал, то сильненько замерз,

и деточки все замерзли, и их няни по домам увели, и невесточка Феденькина тоже домой ушла. И Феденька к себе в подвальчик домой пошел, и пока шел, то очень ему по дороге кушать хотелось. А в подвальчике у него ничего кушать не было, и так Феденьке бедненькому холодно стало, что даже чего-то там внутри у Феденьки от голода заболело, и он даже на Боженьку Господа чуть было не разозлился.

Феденька в церковки заходить любит. Там ему всегда или еды покушать дадут, или денежек дадут, чтобы он себе еды покушать купил. А дров пока у него тех, что еще батюшка священничек тогда Феденьке привез, еще на сколько-то хватит. И свечечек хватит, что в церковке Феденьке дали. А в церковку Феденька пошел, не возле которая школы, а которая возле библиотеки, в ту, что возле школы, Феденька не ходит, потому что туда чертиков пускают, а в той, что возле библиотеки церковке, Феденьке конфеточку дали. И он по дороге кушал, пока домой шел, а когда до подвальчика своего дошел, то уже наелся и сытеньким стал. Феденьке еще две котлетки, яичко вкрутую и булочку подарили.

Феденька когда пришел, то печечку опять растопил, а то ангелочки за обоями все позамерзали. Потом вечером темно стало, и Феденька всё думал, что сейчас деточки из домиков потихонечку от родителей своих убегают, на скверик тайно приходят и парочками по скамеечкам рассаживаются. Мальчик с девочкой садится и сначала целоваться начинают, а потом всякие запретные и потаенные места друг у дружки трогают, а девочки у мальчиков тоже это делать любят. Ах, а холодно-то как на улице, и мороз в скверике ужасенький, и потому множество деточек несчастных от этого мороза попростужаются и долго потом болеть будут и сильно. Многие деточки даже от этой болезни поумирают. И так им, этим деточкам, и надо! Другой раз глупостями заниматься не будут, а батюшку священничка будут слушаться, который им говорит, чтобы они только и делали, что Боженьке Господу молились, а другим чем, так ничем больше бы не занимались. Впрочем, всё равно все деточки скоро поумирают и в аду сгорят.

Вдруг на улице тепло стало, и по городу лужицы во все стороны разлились, а после опять холодно стало, и лужицы все ледком покрылись. Людишки, по улицам которые ходят, на этом ледке поскользываются и многие ручки или ножки ломают. А некоторые даже, когда падают, головы разбивают. Многие деточки тоже поразбивались, и очень Феденька этому радуется. Больше всего Феденька радуется, когда деточки болеют, потому что очень он, Феденька, деточек любит. Только это не часто все-таки получается, чтобы деточки умирали, а потому Феденька грустненький такой ходит, когда деточка какая-нибудь долго не умирает. Если, конечно, там ручку или ножку какая-нибудь деточка сломает или головку об ледок разобьет, то это только для Федень-

ки тогда одно утешение и есть, потому что надежда тогда у Феденьки появляется, что деточка умрет, головку потому что разбила. А так никакой для Феденьки радости нет, и грустненький, и печальненький Феденька в подвальчике своем сидит, и на улицу даже не показывается, ничего его тогда не радует. Потому что сильно Феденька деточек жалеет. Жалко ему, когда деточки не мрут, а живут, потому что когда деточки живут, то они глупостями много занимаются и грехи совершают. Чем меньше деточка живет, тем меньше у неё значит грехов. А если совсем маленькая деточка померла, то это она совсем, выходит, безгрешненькой и чистой деточкой умерла. И очень Феденька за неё радуется, что в рай такая деточка попадет. А чем дольше деточка живет, тем больше у той деточки, долго которая живет, грехов, и очень Феденька за ту деточку страдает и мучается, что столько у неё грехов, и всё она никак, бедненькая, не помрет. Прямо аж за каждую даже самую незнакому деточку Феденька мучается и переживает.

Печку Феденька каждый день топит. Феденька для себя никогда бы не стал топить, а мерз бы и мучился, а что топит, так это исключительно для ангелочков. Уж больно им, ангелочкам, холодно. Сами они себе растопить не могут, потому что у них ручек нет, а одни крылышки. Феденька их, этих ангелочков, исключительно из-за холодов держит, а так бы он их на улицу, если бы не холода, тут же бы выгнал. Вот какой Феденька Монахов добренький, потому что на улицу ангелочков из подвальчика выгнать бы мог, а не выгоняет. Феденьке с ангелочками благостненько, на столе у Феденьки свечечки в подсвечниках горят, светло от свечечек, по стенкам клопы и тараканчики бегают, за обои залезают. За обоями ангелочки живут, клопы их там кусают. Феденька захочет — на стульчик сядет, который у Феденьки возле стола стоит. А захочет — на матрасик полежать ляжет. Что Феденька захочет, то и сделает. Феденька на матрасике полежит, порадуется, на огонечки от свечечек полюбуется, а потом снова на стульчике посидит или записочки свои напишет, и с мыслью всё, мыслишечку одну Феденька про себя придерживает — что бы ему умненькое такое написать. А то всё ничего умненького не пишется, а всё просто так пишется, а то вдруг возьмет и что-нибудь умненькое такое у Феденьки вдруг пишется.

Благостненько так Феденьке, с неба на него Боженька Господь смотрит и умиляется, какой Феденька Монахов добренький, он потому что ангелочков на улицу не выгоняет. Боженька Господь на Феденьку умиляется и радуется, что из всех верующих православных один только Феденька спасется и в рай попадет. А остальные людишки все всё равно в ад попадут, Боженька Господь так устроит, что туда их всех в ад пошлет. И жалко так Феденьке людишек всех бедненьких, что они все в ад пойдут. Только разве виноват Феденька, что один из всех



людишек спасется? Это ведь Боженька Господь так устроит, что один Феденька в рай попадет, а Феденька вовсе ни при чем тут.

Каждой, конечно, людишке спастись и в рай попасть хочется, только мало ли, что кому хочется! Ведь только подумать, что было бы, если бы как кому хочется было бы, то было бы что, а? А потому как кому хочется, то так не будет, а наоборот будет. Кто всю жизнь только и делал, что молился и постился, ничего даже не кушал, а только себя мучил, за других молился, кто самым наипервейшим праведничком и святым угодничком всю жизнь свою был, мученьца во имя Боженьки Господа с радостью принимал, так тех Боженька Господь в ад на самые ужасненькие муки направит, чтобы они в огне вечно горели, мучились и недоумевали, отчего это так всё наоборот получилось? Кто мучения самые страшные и истязания ради Боженьки Господа испытывал, так те больше всех недоумевать будут — дескать, мучились, Боженьку Господа славили и на том свете спастись надеялись, а всё наоборот вышло, на том свете оказывается самые страшные мученьца только и начинаются!

А кто самым великим что ни на есть грешничком был, кто людишек множество поубивал, кто деточек глупостям и мерзостям научал, кто родителей своих колотил, хлебушек у них отбирал, кто кошечек и воробышков резал, так тех Боженька Господь в рай к Себе на вечные блаженства заберет, чтобы эти грешнички в раю у Боженьки Господа наслаждались и говорили: "Вот какой Боженька Господь миленький и добренький, Он нас в ад не допустил, а к Себе в рай взял, чтобы мы с Ним вместе веселились и наслаждались". И ведь навсегда, на все века вечные так и останется, как Боженька Господь наш устроит, как кого куда поместит.

А кто праведнички, кто в аду на сковородках жариться будут, те Боженьку Господа проклинать будут: "Какой Боженька Господь злой и безжалостненький! Всех Своих праведничков в ад на вечные мученьца направил!" Вот тогда Боженька Господь и узнает, кто Его на самом деле славит и любит, а кто только притворяется. Но всё равно один Феденька Монахов на всем свете спасется и в рай попадет, потому что людишек всех, которые не спасутся и в ад попадут, жалеет. Феденька вообще всех людишек жалеет. Он и батюшку священничка сильненько жалеет, жалкенько так его Феденьке, что он тоже на вечные мученьца в ад пойдет и не спасется, и Феденька никогда больше уже его не увидит, потому что Феденька-то спасется, Боженька Господь его к Себе в рай возьмет. И потому Феденьке очень грустненько и несчастненько, потому что Феденька батюшку священничка и людишек всех вот как сильно жалеет и плачет, потому что Феденька очень жалостливенький и добренький, всех жалеет, кто в ад попадет.

Что-то в эту зиму много деточек болеет и умирает. Феденька вчера

на скверик гулять ходил и увидел, что деточек гораздо меньше с нянями там гуляет. Еще Феденька своей невесточки в скверике не увидел. Это не иначе как невесточка Феденькина больная в квартирке у своих родителей лежит. Надо бы Феденьке сходить и невесточку свою навестить, но у неё родители, наверное, злобные, и Феденьку к невесточке его не пустят. Ах, какой Феденька Монахов бедненький и несчастненький, он свою невесточку не может навестить. Родители эти, конечно, в аду за свою злобу будут гореть и за то, что они Феденьку к невесточке его не пускают.

Феденька деточкам тогда сказал, что все родители — это их, деточек своих, первейшие враги и мучители. И еще они своих деточек друг с дружкой разлучники, потому что деточкам друг с дружкой глупостями заниматься не разрешают и друг к дружке в скверик по ночам убежать не пускают. Феденька деточкам родителей своих не слушаться велел, а шкодить и всячески родителям своим вредить. Еще Феденька деточкам прянички и конфеточки показал, которые батюшка священничек ему для его невесточки дал, и деточкам сказал: "Вот какие у Феденьки прянички и конфеточки есть. Это ему батюшка священничек для его невесточки дал, чтобы Феденька невесточке своей больной их отнес". Деточки прянички и конфеточки у Феденьки стали просить, чтобы он им пряничков и конфеточек дал, а Феденька прянички и конфеточки все по карманчикам рассовал и сказал, что это для его невесточки батюшка священничек прянички и конфеточки дал, а потому он деточкам пряничков и конфеточек на даст, а невесточке больной отнесет. Ну там по дороге, конечно, Феденька два пряничка и конфеточку и съест, а так остальные все прянички и конфеточки невесточке отнесет.

Надо бы Феденьке разузнать, где хоть невесточкиных родителей квартирка находится. Только у невесточки-то Феденькиной родители злобные, они всё равно Феденьку к невесточке его в квартирку свою не пустят, а потому Феденька все прянички и конфеточки и сам съест, потому что всё равно ведь родители злобные Феденьку до невесточки его не допустят и Феденьке невесточку его не разрешат навестить. А потом кто знает, может и вовсе невесточка Феденькина умерла. Может и в могилку её, бедненькую, закопали. Ах, какой Феденька Монахов бедненький! Нет больше у него его невесточки и не с кем ему теперь в церковку пойти повенчаться. А тогда, если невесточка Феденькина умерла, то значит ей тогда все эти прянички и конфеточки вовсе не нужны, и Феденька лучше их тогда все сам скушает. Надо бы Феденьке разузнать, где хоть невесточку его бедненькую закопали, чтобы хоть мертвенькую её навестить. Ах, несчастненький какой Феденька Монахов страдалец! Это в такой мороз на могилку к невесточке своей пойдет! Вот он какой страдалец и мученик, Феденька. К невесточке своей

на могилку пойдет, потому что самый он из всех мучеников великий мученичек, потому что на улице вон какой лютый и страшенький мороз разгулялся, людишки все по домикам в тепле сидят, один Феденька на своей невесточки могилку смотреть пойдет, и ручки и ножки у него, несчастенького, замерзнут, только Феденька всё равно к невесточке своей на могилку пойдет, потому что первый он, Феденька, у Боженьки Господа праведничек и мученик.

Он, конечно, Феденька, на могилку эту смотреть не пойдет, потому что теперь самые холода ужасные наступили, а по дороге от холодов этих можно чего доброго и замерзнуть. Феденька, ежели холодно на улице и мороз сильный, то в церковку даже не ходит, хотя очень он, Феденька, верующий, самый, можно сказать, из всех даже верующих на свете верующий, а всё равно, если когда холодно на улице, то в церковку Феденька не ходит, а лучше в подвальчике у себя сидит. Черт с ней, с церковкой, если угроза для Феденьки по дороге замерзнуть есть, если ручки Феденькины и ножки замерзнут! А тут не церковка вовсе, а так, могилка какая-то там обычная.

Феденька от жалости, что на могилку невесточки своей не пойдет, сильно расплакался, и все деточки, что Феденьку кругом обступили, тоже сильно заплакали. Славненько Феденька с деточками о невесточке его погоревали! Ах, картинка умилительненькая какая получилась! Прямо все деточки, какие только в скверике были и вокруг Феденьки собрались, все дружененько и безутешненько так рыдали и плакали. Вот он какой Феденька жалостливенький и добренький, потому что вон как сильненько убивается, что на могилку невесточки своей не пойдет.

Феденьке теперь совсем холодно по улицам гулять. Батюшка священничек дрова печку топить дал и свечки у Феденьки есть, наперед Феденька ими запасся. Ангелочки у Феденьки в подвальчике за обоями голодненькие сидят и очень им кушать хочется. А на холод они полететь не могут, потому что они тогда замерзнут, если на улицу полетят, потому что на улице погода вон какая морозненькая.

В церковку Феденька вчера бежал, которая возле столовой, тоже чертиков в которую пока не пускают, и мимо той церковки бежал, которая возле школы, деточки куда ходят учиться. Оказывается, что возле школы которая церковка — без крестиков теперь. Это не иначе как чертики все крестики снимали. Холодненький ведь мороз на улице, чертикам холодно по улицам гулять, они потому всякими шалостями, себя чтоб согреть, занимаются. Крестики, например, снимают. Чертики, конечно, шерсткой с рожек до копытец покрыты, не то что ангелочки. И побольше чем ангелочки они к нашим морозам приспособлены. Но с другой стороны чертики обычно у себя в аду жить привыкли, где вечный огонь горит, и там очень жарко чертикам находиться, а потому им с непривычки на улице холодно.

Феденька в церковку, которая возле столовой, ходит, потому что чертиков туда не пускают, и никогда в эту церковку чертики не заходили. Правда, однажды один чертик в эту церковку пришел и собой еще очень много других чертиков привел. А в церковке в это время батюшка священничек служил, и людишек там множество собралось, и деточек много в церковке напихано было. И вот чертики деточек и людишек стали толкать. И как толкнут, сзади которые стоят, так передние прямо на батюшку священничка падают. Батюшка священничек служить перестал и очень сильно на чертиков ругался, потому что не понимал, что надо же чертикам где-нибудь во время холодов греться. Вот они в церковку погреться и пришли. А батюшка священничек этого не понимал и ругался, поэтому Боженька Господь батюшке священничка за его безжалостность отомстит.

А в церковке в это время людишки все друг на друга падали и многие из церковки на улицу выйти хотели. Но некоторые чертики дверку со стороны улицы закрыли и держали. А потом, когда совсем людишки в церковке друг дружку хорошенечко подавили и на дверку очоно сильно напирать стали, то чертики сразу дверку держать перестали, и людишечки все из церковки на улицу попадали и многие об ледок разбились и поумирали. А еще другие чертики в это время совсем расшалились, на маковки и на колоколенку влезли, крестики от туда снимали, а с колоколенки еще и колокольчики снимали и держат. А когда людишечки из церковки выкатились, то чертики эти все крестики и колокольчики на них сверху бросили, и очень снова множество народа и людишек от этого поубивалось. И так им и надо, людишкам этим, они потому что всё равно в ад попадут! Феденьке их, людишек этих, и вовсе не жалко, что они в ад на вечные мученьица попадут. Феденьке людишечек всех потому и не жалко, что все людишечки в ад попадут. Потому что Боженька Господь если кого в ад направил, так значит тот сам того заслужил, если батюшку священничка не слушался, как он предупреждал, что все в ад попадут, если батюшку священничка слушаться не будут.

Одному Феденьке батюшку священничка можно не слушаться, потому что батюшка священничек всё равно в ад попадет, и Феденьке его тоже не жалко, потому что раз Боженька Господь в ад батюшку священничка поместит, то значит Феденьке его можно не слушаться, потому что Боженька Господь Феденьку в рай к Себе возьмет, а батюшка священничек в вечном огне мучиться будет. Феденьке потому батюшку священничка вовсе не жалко, потому что ведь это Боженька Господь в ад его поместит, а не Феденька вовсе, Феденька вовсе ни при чем тут.

Ах, умилительненько как у Феденьки вчера получилось! Денечек умилительненький такой выдался! Феденька в подвальчике своем сидит, ангелочки за обоями от холода копошатся. Феденьке людишки

верующие сладенький пирожок дали. Как вдруг в дверку и в окошко к Феденьке одновременно постучались. Феденька подумал, что это милиционеры пришли, дверку открыл, а это не милиционеры вовсе, а чертики. Им по улице совсем холодно и невмоготу стало ходить, и они к Феденьке Монахову в подвальчик в гости решили зайти. Феденька, конечно, чертиков впустил, а они возле печечки расселись, а некоторые прямо в печку прыгнули. В ней себе сидят и других чертиков приглашают — дескать, и вы сюда прыгайте. Только печка у Феденьки маленькая, всем чертикам невозможно в ней поместиться, а потому чертики по очереди в Феденькиной печке сидели. Ах, некому чертиков беденьких пожалеть! Людишечки злобенькие все такие, и никто потому чертиков несчастных в квартиру к себе погреться пустить не хочет. Один Феденька жалостливенький чертиков пожалел и к себе в подвальчик пустил, а из людишек никто чертиков даже на минуточку погреться не пустил. Боженька Господь людишек злобеньких и безжалостных всех потому накажет и в ад пошлет, что они чертиков к себе погреться не пустили.

Очень чертики замечательно выглядят. Головки у них, как у козликов, с рожками, а всё остальное, как у деточек, только шерсткой все они обросшие, а ножки копытцами оканчиваются. И ручки у них есть, тоже мохнатенькие. А так внешне очень они на деточек похожи.

Чертики сначала водочку не пили, а потом стали, а потом папиросы стали курить. А когда Феденька им сказал, что у него за обойчиками ангелочки живут, то очень чертики обрадовались и ангелочков к себе в печку стали приглашать — мол, в печечку к нам сюда лезте. И водочку они ангелочков выпивать приглашали и еще папирос покурить. Вот какие чертики добренькие! Им ведь ничего для ангелочков не жалко. Только ангелочки глупенькие такие, они чертиков добреньких испугались, потому что ангелочки, конечно, все сгорят, если в печку влезут. Феденька чертикам сказал, что ангелочки у него голодненькие и очень кушать хотят, потому что давно ничего не кушали. Чертики ангелочков тогда к себе в печку покушать приглашать стали. Только ангелочки глупенькие печки боятся, потому что понимают, что сгорят, если в печку покушать придут, только ведь чертики не виноваты, что ангелочки такие трусливенькие, что печки боятся.

Очень Феденьке с чертиками весело сидеть. А раз весело Феденьке, то и Боженька Господь на своего любимчика радуется и веселится, что Феденька добренький такой, чертиков к себе в подвальчик погреться пустил, и Боженька Господу весело, если Феденьке весело. А чертики это просто так пошутили, что на минуточку к Феденьке в подвальчик погреться зайдут, а они у Феденьки навсегда жить поселились.

Немножечко на улице потеплее стало, и Феденька в скверик к памятнику Александру Сергеевичу Пушкину пошел. Александр Сер-

геевич Пушкин – самый великий наш русский писатель. Если уж русский кто писатель, то значит, что непременно он великий писатель, раз он русский писатель.

Феденьку как всегда деточки обступили, и Феденька с деточками стал разговаривать. Сказал, что на будущий год батюшка священничек опять елку для Феденьки устроит и его и деточек всех пригласит. И все деточки вокруг елочки хороводики водить будут, танцевать и всякие конфеточки и мандаринчики вкусненькие с елочки снимать и кушать, которые батюшка священничек для Феденьки на елочке развесил. А потом батюшка священничек снова Дедом Морозом нарядится и весело так с деточками играть будет. Тут одна девочка, которая среди деточек стояла, вдруг жалостливно так к Феденьке обращается: "Ах, Феденька, – говорит, – у вас невесточки нет. Можненько я вашей невесточкой буду?" Она очень даже прелестенькая девочка была, в шубке пушистой и с глазками голубенькими, и теперь у Феденьки опять невесточка есть, и скоро батюшка священничек Феденьку с его невесточкой в церковке будет венчать.

Феденька когда из скверика домой к себе в подвальчик вернулся, то увидел, что чертики ангелочков сильненько побили. Столкновения у них получилось. Ангелочки ведь драться не умеют, у них одни только крылышки, а у чертиков и ручки, и рожки, и копытца есть. Чертики ангелочков и побили, крылышки многим из них поотрывали, а другим просто крылышки поломали и перышки из ангелочков выдергали. И теперь ангелочки все умирают, и скоренько они все умрут, потому что у них крылышки поломаны и оторваны. А чертики бедненькие совсем после этой потасовки замучились, они ангелочков бить устали, лежат и отдышаться никак не могут. Ангелочков, конечно, за то, что чертики их бить устали, Боженька Господь всех накажет, и в ад они, ангелочки эти, попадут. И очень Феденьке жалко так чертиков несчастненьких стало, что очень Феденька Монахов расстроился.

Ах, случай какой уморительненький деточки устроили! В церковку вчера, которая возле столовой, Феденька утречком прибежал, а там деточки к батюшке священничку в очередь встали, и батюшка священничек каждой деточке грехи отпускал. Ах, какие эти деточки забавненькие! В скверике себе гуляют, а потом всякие смешные случаи устраивают. В церковку в тот раз, помнится, всей гурьбой прибежали, целой оравой, и свечечки и лампадки задувать стали. Прибежали, смеются, весело им так, радостненько, все свечечки и лампадки одну за другой погасили и убежали. А вчера веселье развеселенное какое придумали! В церковку благостненько так вошли, пальчики складывают и крестятся, серьезненькие такие деточки, смиренненькие. Некоторые даже свечечки купили и поставили. Потом к батюшке священничку деточки подошли, и очень батюшка священничек обрадовался, что де-

точки послушненькие такие стали, и деточкам по очереди велел подходить и про самые страшненькие грехи всё рассказывать. Одна деточка первой сначала к батюшке священнику подошла и ему всё про свои грехи подробненько стала рассказывать. И как глупостями с мальчиками занималась рассказала, и как всякие запретные места у мальчиков трогала, и как воробышка до смерти замучила. А батюшка священничек очень на эту девочку умилился, что она искренненько так и со слезками на глазах всё рассказывает, что даже батюшка священничек от умиления прослезился. Потом батюшка священничек девочку благословил, а потом девочка батюшке священнику ручку должна была поцеловать, и батюшка священничек думал, что девочка ему ручку поцелует. Только девочка эта хитренькой такой оказалась и батюшку священничка обманула. К ручке ротиком и губками сперва потянулась, а потом сразу как батюшку священничка за пальчик укусила! Вот смеху-то для Феденьки было! Феденька прямо чуть от смеха не умер. Ах, какая это чудесненькая девочка оказалась, Боженька Господь её за это в рай возьмет, за то, что она Феденьку посмешила. Жалкенько, что у Феденьки уже невесточка есть, а то бы он эту девочку своей невесточкой сделал, и его с этой девочкой батюшка священничек в церковке бы повенчал. Тот батюшка священничек, девочка которого укусила, пальчиком помахал, поплакал, и другую деточку — мальчика одного — позвал. А мальчик ему тоже со слезками на глазах горячо так в грехах каялся, говорил, чтобы батюшка священничек Боженьке Господу за него усердненько помолился, а то мальчик, дескать, сомнеается, мол, Боженька Господь на небе есть ли или Его и вовсе не существует. Батюшка священничек мальчику помолиться обещал и только все грехи ему отпустил, как мальчик батюшку священничка за ручку хват — и опять его укусил! Феденька снова чуть от смеха не умер. К батюшке священнику потом много всяких деточек подходили, и все перед ним со слезками на глазах во всех своих грехах каялись, а потом батюшку священничка за ручку кусали. А батюшка священничек деточкам исповедоваться запретить не мог же! Вот деточки ему ручку и покусали. А Феденька от души насмеялся, а потом после всех деточек к батюшке священнику подошел и просто так без всякой исповеди его тоже за ручку укусил, а потом Феденьке всяких яичек и сладостей надавали, и домой Феденька к себе в подвалчик побежал. А по дороге Феденька еду всю и баранку, которую ему дали, скушал, и радостненько так Феденьке стало, сытенький такой Феденька сделался, даже батюшке священнику перечить расхотелось. Это Феденька когда голодненький, тогда батюшке священнику в церковке мешает и с ним пререкается, и со всеми людишечками тоже пререкается и дразнится, а когда Феденька сытенький, то тихонечко где-нибудь в уголке себе стоит и помалкивает.

Феденька когда к подвальчику своему подходил, то копытца чертиков на снегу отпечатанные увидел. Как раз свеженький снежок выпал, и копытца чертиков отчетливо так обозначились. Это значит, что чертики опять куда-то без Феденьки ушли. Феденька в последненькое время замечать стал, что чертики без него куда-то ходить повадились, а Феденьку с собой не берут. И очень Феденьке узнать захотелось, куда это чертики ходить повадились. Любопытненько так Феденьке сделалось. Феденька тогда куда копытца отпечатанные ведут...

1966



# Чаепитие

Петр Петрович лица дочки Марьи Ивановны вовсе не запомнил. Потому что лицо ее обычным таким было. Когда Петр Петрович по улицам ходил, то в лица встречаемых граждан с вниманием вглядывался. Но когда домой возвращался, то какое-нибудь лицо вспомнить всегда пытался, а не безуспешно. Лица все обычными такими были. А Петр Петрович лица обыкновенные не запоминал. Встреть Петр Петрович кого-нибудь во второй раз, то, наверное, не узнал бы. И дочку Марьи Ивановны Петр Петрович тоже, наверное, не узнал бы. Но облик самой Марьи Ивановны Петру Петровичу отчетливо довольно запомнился. Хотя ничего такого примечательного и необыкновенного в лице Марьи Ивановны не было. Почему Петру Петровичу лицо именно Марьи Ивановны запомнилось, а не дочка Марьи Ивановны, Петр Петрович не мог понять. Особенно Петру Петровичу глаза Марьи Ивановны запомнились. Это потому что Петр Петрович и Марья Ивановна друг в друга пристально вглядывались. А потом и все целиком лицо Марьи Ивановны Петр Петрович запомнил, потому что долго они друг в друга смотрели.

Дочка Марьи Ивановны, от взгляда которой рассмотрение это не ускользнуло, это заметила и Петру Петровичу говорит:

— Чего это вы с мамой? В гляделки играете?

Петру Петровичу только усмехнуться осталось.

— В гляделки,— говорит,— да. Так вот.

Дочка Марьи Ивановны ответ Петра Петровича как должное приняла. Потом, правда, предупредила:

— Вы не усмехайтесь, пожалуйста. Потому что мама у меня вовсе ненормальная и в прострации полной можно сказать находится. А вам с ней в гляделки играть вздумалось.

Петр Петрович глаза от Марьи Ивановны отвел и на дочку Марьи Ивановны в удивлении глянул. Конечно, Петр Петрович в Марьи Ивановны поведении странность какую-то видел, но что Марья Ивановна сумасшедшая, так это Петру Петровичу несколько удивительно было слышать. Однако он к сообщению такому спокойно отнесся. "Ну и пусть,— Петр Петрович подумал,— сумасшедшая. Ну и что с того? Она

ведь на меня не бросается — и славно. А так просто нельзя разве смотреть?”

Дочка Марьи Ивановны мысли Петра Петровича прочла будто и опять повторила:

— Вы бы смотреть перестали. А то нельзя вам смотреть-то...

“Какая-то все это одна сплошная странность”, — Петр Петрович подумал. Но смотреть продолжал.

Тут дочка Марьи Ивановны, видно, совсем рассердилась. Даже почти что крикнула:

— Смотрите перестаньте-то! Вам говорю! А то с мамой моей приступ может случиться, тогда вам же самим хуже будет!

Это она резко так и настоятельно крикнула. Петр Петрович даже смотреть перестал. Но его всё опять тянуло взглянуть, и сильно. Так что Петр Петрович ничего с собой поделать не мог и тайком изредка на Марью Ивановну взглядывал.

“Это с чего, — Петр Петрович размышлял, — приступ у неё может случиться? Оттого что я на неё смотрю? Так глупо такое и предполагать. С простого смотрения никакого приступа быть не может. Упрямство в запрете её одно. Блажь с её стороны обычная”.

Петр Петрович в раздумьях таких про чай даже позабыл, но Марья Ивановна ему напомнила и варенья даже на блюдечко еще подложила. Потом говорить стала:

— Вы вареньице это скушайте. Малиновое вареньице мое, с могилки доченькиной. Я как доченьку еще похоронила, так кустик на могилку высадила. А потом кустик подрос, и я с него ягодки собирать стала. И вареньице вот повариваю. Каждый год и с давнего уже времени.

“Однако, — Петр Петрович решил, — она и в самом деле действительно ненормальная”. Для Петра Петровича такое в диковинку наблюдать было. А дочка Марьи Ивановны рассердилась:

— Это вы на мою маму такое влияние оказали! Теперь она всякие глупости говорить станет. Никакой доченьки у моей мамы не было. Я одна только. И кустик с могилки — тоже придумка это её. Зачем вы только на мою маму смотрите!

Вот уж чаепитие у Петра Петровича вышло! Жуть, да и только! Петр Петрович даже уйти захотел и уже было поднялся, но Марья Ивановна как раз говорить захотелось. До этого она всё больше молчала, а теперь говорить стала:

— Малиновое вареньице — любименькое мое самое. С чайком только оно и кушается. А другое какое, так с чайком хуже гораздо. Я в этот год много наварила, даже думала, что одной мне всё не скушать, а тут вы пришли и тоже вот кушаете. Всё мне веселее. А то ведь скучно одной мне, без доченьки.

Петр Петрович понимал, что всё это одна сплошная ненормальность, но всё-таки спросил:

— А могилка где доченькина?

— В садике могилка её, прямо возле крылечка самого.

Петр Петрович Марью Ивановну спрашивает:

— А с чего она померла?

Дочка Марья Ивановны совсем рассердилась. Встала и опять кричать начала:

— Перестаньте,— кричит,— моей маме глупости всякие задавать!

— Вы тоже,— Петр Петрович ей говорит,— кричать сперва перестаньте. Я вам никто вовсе, а вы на меня кричать смеете.

Марья Ивановна опять, видно, о своем задумалась, и потому молчала, будто бы вокруг и вовсе ничего не происходило.

Дочка Марья Ивановны, однако, сдержалась, на Петра Петровича пристально посмотрела и говорит:

— Перестаньте,— говорит,— варенье мамино кушать!

Петр Петрович ей в ответ рассмеялся:

— Она, — отвечает,— никакая не мама вам вовсе, потому как она вас за дочку свою не считает, а потому и я в том не уверен, что мама ваша она. Так что варенье я все-таки кушать буду. А мне запретить, так вы разве право какое имеете, запретить чтоб?

Дочка Марья Ивановны от злости даже покраснела и ничего сказать не могла. А потом громко очень крикнула:

— Это вы тем пользуетесь, что я вас прогнать не могу, вот слова хамские такие и говорите! Я ради мамы своей вас теперь только-то и терплю, а вы еще смеете говорить, что не дочка её я!

Петр Петрович не знал, что он теперь исключительно ради Марья Ивановны здесь находится. Он было об уходе подумал, но теперь в самый раз Петру Петровичу варенья захотелось покушать. Благо в животе у Петра Петровича от чая тепло стало, и во всем теле ленивость одна чувствовалась.

”Неплохое, однако, чаепитие,— мысленно Петр Петрович рассуждал.— Со смыслом вышло. А я чаепития такие люблю, со смыслом чтоб. Потому как всё разнообразнее жить, а после всякие раздумья пойдут”.

— Ах, если,— Петр Петрович говорит,— так, то теперь мне непременно уйти надо. Прощайте,— дочке Марья Ивановны говорит,— и варенье свое сами кушайте, с мамой сумасшедшей вашей. Мне варенья этого не надо. С него потому что пот один только прошибает, а удовольствия так никакого и нет вовсе.

Дочка Марья Ивановны совсем тут на Петра Петровича разозлилась.

— Сейчас же,— говорит,— отсюда уходите! Я даже на свою маму

не посмотрю, если вы вареньице наше ругаете. Я ведь его сама для мамы варила. Это любимое её самое.

— Вот вы,— Петр Петрович ей отвечает,— и попались! Если вы на свою маму даже не смотрите и мне так просто уйти позволяете, то какая же вы ей после этого дочка? Мама если она вам, то вы с ней наперед считаться должны бы, а потом только варенье свое отстаивать. Вот вы себя и выдали! Никакая не мама она вам, а так, фикция одна только.

Что интересное самое, так то, что Марья Ивановна себя так вела, как будто в комнате кроме неё вовсе никого не было, и будто никакие разговоры не велись. Она сама по себе молчала. Слегка, видно, Марья Ивановна задумалась.

Дочка Марьи Ивановны от слов Петра Петровича вовсе запуталась и замолчала. Чашки, однако, убирать стала. Варенье тоже потом спрятать решила. У Петра Петровича даже интерес за ними следить появился.

Потом дочка Марьи Ивановны куда-то вышла и Петра Петровича вдвоем со своей мамой оставила. Уйди вот теперь Петр Петрович, то как на это Марья Ивановна среагирует? Очень это для Петра Петровича интересно узнать стало. Он даже подняться решил и, будто уходить собирается, вид сделал. Марья Ивановна сразу же забеспокоилась:

— А чего это вы всё про доченьку спрашивали, спрашивали, а потом вдруг перестали? А теперь чего делать выдумали? Уж не уходить ли? А про доченьку тогда зачем спрашивали, если уходить решили? Не надо тогда про доченьку было спрашивать. А теперь вот вам за доченьку отвечать придется, что вы о ней спрашивали.

— Чего это,— Петр Петрович говорит,— ради, отвечать-то? Варенье сами убрали, и чего-то еще хотят. Мне теперь у вас совсем нечего делать. Разве что уйти только осталось.

Марья Ивановна все эти слова опять мимо ушей пропустила.

— Теперь,— говорит,— в самый раз на доченьку пора посмотреть.

— Как же посмотреть-то? — Петр Петрович спрашивает.— Уж не могилку ли её копать скажете?

— Да, — говорит,— могилку.

А сама опять на Петра Петровича уставилась.

Дочка Марьи Ивановны тут вошла, Петра Петровича с Марьей Ивановной увидела и опять Петра Петровича ругать стала:

— Опять вы на маму мою смотрите! Как вы только в мамыны глаза смотреть можете! Сколько вы маме разного хамства сказали, а еще спокойно так смотрите!

— Это вы,— Петр Петрович ей говорит,— удивляюсь, как еще смотреть можете! Вы всех только в заблуждение вводите, что мама она вам.

Сейчас же,— говорит,— отсюда теперь уходите. Мне с этой старушкой разговаривать не мешайте!

Петр Петрович, как уйти, думал, и дочку Марью Ивановны потому выгнал. Она, видно, от греха подальше уйти решила и опять из комнаты вышла. А Петр Петрович в размышления погрузился. Как бы ему отсюда похитрей выйти?

— Пойдемте,— Марье Ивановне говорит,— на доченьку-то посмотрим...

— А как же теперь на неё посмотришь? В могилке она ведь, её, поди, и не видно.

Петр Петрович тогда прямо решил говорить:

— А чего же тогда делать будем? Мне домой пора бы идти...

”Всё,— думает,— мне теперь только встать надо и к двери направиться. Она на меня ведь не кинется?” Но всё это проделать что-то Петру Петровичу не давало. Вот ведь всё не просто как складывается!

Вдруг Марья Ивановна сама говорит:

— А пора коли, так идите. Дома всё лучше живется, роднее потому как. А ко мне опять вскорости на чаепитие приходите.

Вот ведь как всё просто вышло! Обычным таким образом повернулось. У Петра Петровича даже настроение к уходу полностью кончилось. А тут еще дочка Марья Ивановны вбежала, скоро так — за дверь, видно, подслушивала — и чтобы Петр Петрович уходил кричать стала.

— Вы,— кричит,— моей маме уже надоест успели!

Марья Ивановна опять безразличной ко всему сделалась.

# БАТЯНЯ

Родственники Прохора Филимоновича в комнате у него по углам прятались. Нестерпимо они между собой шушукались. Прохор Филимонович родственников своих шушукующихся из комнаты всех выгнал. Дверь даже за ними на ключ запер.

Один оставшись, чернильницу с перышком за образами нашарил. Это им заранее припасено было, дня этак за два. Свечки потом зажигать стал. Хотя в комнате Прохора Филимоновича и без того видно всё было, но очень уж Прохору Филимоновичу свечки жечь нравилось. Настроение тогда у него появлялось, чувства там разные на свет Божий показывались, да к тому же мысли в голову исключительно самые важные шли. Одним словом, пустяки всякие в голову Прохора Филимоновича тогда не лезли и одной главной мысли в ней присутствию не мешали.

Стол из комнаты Прохора Филимоновича родственниками унесен был, и потому не за что ему сесть было. На колени перед табуретом Прохор Филимонович опуститься решил и совсем уж было писать стал, но очень уж ему запах мешать начал. До того он об запахе этом вовсе не думал, а вот как задумался, то к запаху чувствительным сразу сделался.

”Ишь, как смердит-то! То-то же, разлагается... Вот ведь, плоть-то в чистоте любил содержать, а воняет,— мысленно посопев, Прохор Филимонович рассуждал.— Уж больно от него несет. Но еще бы, с другой-то стороны ежели взять, еще бы ему не несть. Седьмой, поди, день лежит, всё никак власть не напрощаются”.

Слабость такая со стороны родственников Прохору Филимоновичу распутством казалась, а баловать и удовольствие родственникам своим доставлять ему не хотелось. К тому же суета эта седьмой день вокруг покойника длилась, а Прохор Филимонович суету всяческую страх как не любил. Так что со всей этой суетой Прохор Филимонович разом покончить решил. Словом, Прохору Филимоновичу родственникам своим досадить вздумалось.

С запахом Прохор Филимонович совсем было свыкся, но тут в самый раз перышко у него высохло, и Прохору Филимоновичу в черни-

ла его заново пришлось окунать. У Прохора Филимоновича слюни даже потекли. "Это у меня с досады,— красиво их по бумаге размазывая, Прохор Филимонович размышлял.— От горя стало быть..."

Перышко в чернилах опять было, и писать Прохору Филимоновичу совсем можно наконец сделалось. Прохор Филимонович медленно писал, буквы у него маленькие шли и прыгали. "Ишь ведь,— изредка Прохор Филимонович нашептывал,— как блошки скачут! От резвости!"

Долго ему писать вышло.

*"Любезный и многотимый брат мой,— Прохор Филимонович написал, — Митя! Батяню нашего небось помнишь? Так он давеча тут у нас помер. Родственники все наши сюда пришли и стол у меня под батяню захапали. От батяни который день прёт. Духовный, видать, старичок был. А теперь вот духовность его наружу вся лезет.*

*Брат Митя! Батяню нашего тебе теперь посылаю. Это чтобы и у тебя возможность с батяней попрощаться была. Ты батяню очень не трогай. Так только попрощайся, а особенного такого ничего с ним не делай. Потом его брату Ване в Австралию пошли. Ваню-то небось помнишь, а? И ему ведь с батяней попрощаться хочется. Живой человек всё же. Теперь я батяню в ящик пошел укладывать и на почту его поранести.*

*Крепко любящий тебя брат Прохор".*

Писать кончив, Прохор Филимонович перышко бородой вытер. В комнату потом соседнюю вышел, это где батяня его запахом на столе медленно исходил. Родственники по углам над батяней шушукались. Прохор Филимонович родственников своих шушующих из комнаты всех выгнал...

# БЕДНЫЙ ЭРАСТ

Может быть, никто из живущих в Москве лучше меня окрестностей этого города не изучил, потому что никто чаще, чем я, за город не ездит, никто больше меня пешком не бродит, без плана, без цели — куда глаза глядят — по лугам и рощам, по холмам и равнинам. Каждое лето я новые прекрасные по своей красоте места нахожу или в знакомых местах новые красоты отыскиваю.

Но больше всего мне одно место с недавних пор полюбилось. Всего в каком-нибудь получасе езды на электричке одно из многочисленных дачных мест Подмосковья живописно раскинулось. Это не просто там рядовое дачное место, а одно из тех, которые в народе *правительственными* принято называть.

Место это по своей красоте дивное. На электричке к платформе подъехав, сначала через густой смешанный лес недолго идти, потом шоссе пересекаешь, которое по аналогии с дачами тоже *правительственным* называют. Неподдалеку за шоссе участки начинаются. За высокими глухими заборами двух- и даже трехэтажные особняки высятся. Сами участки — просторные, лесистые, много тени, целебного хвойного воздуха. Дачи кончаются — густая, нетронутая топором дровосека роща сразу же на несколько километров тянется. Справа от рощи — тучные, густо-зеленые цветущие луга расстилаются, а за ними по желтым пескам светлая Москва-река течет, легкими веслами рыбацких лодок волнуемая или под кормой тяжелых грузовых барж журчащая. Как и много лет назад, баржи от разных плодоносных краев нашей империи плывут и алчную Москву хлебом наделяют. На другой стороне реки дубовая роща виднеется. Возле рощи многочисленные колхозные и совхозные стада привольно пасутся. Только вот молодые пастухи под тенью деревьев не сидят, простые унылые песни не поют и тем самым, соответственно, летние дни, столь дря для них однообразные, не сокращают. Дальше, в густой зелени древних вязов, правление близлежащего колхоза в бывшей старинной усадьбе разместилось. Еще дальше, почти на краю горизонта, водокачки, силосные башни и элеваторы там и сям то и дело виднеются. На левой же стороне реки обширные хлебом пок-



рытые поля, три или четыре деревеньки и вдали фабрика со своей высокой и вечно дымящей трубой.

Часто я в это место прихожу и почти всегда там весну встречаю. Туда же и в мрачные дни осени вместе с природой горевать приезжаю. В двадцати минутах ходьбы от дачного поселка небольшой заброшенный монастырь стоит. Раньше туда не пускали, потому что монастырь под склад горюче-смазочных материалов приспособили, а однажды часть свода собора от ветхости рухнула, и склад куда-то перенесли. Страшно ветры в стенах опустевшего монастыря воют, и между гробов, высокой травой заросших, и в темных переходах келий. Там, на развалины гробовых камней оперевшись, глухому стону времен, минувшей бездной поглощенных, тихо внимаю — стону, от которого мое сердце содрогается и трепещет.

Но всего чаще меня к стенам этого заброшенного монастыря воспоминание привлекает. Воспоминание о плачевной судьбе Эраста, бедного Эраста. Ах! я такие предметы люблю, которые мое сердце трогают и слезы нежной скорби проливать меня заставляют!

Примерно в километре от монастырской стены, сразу за березовой рощицей, высокая ограда, которой три добрых гектара обнесены, начинается. За массивными кирпичными воротами с башенками, посреди лесного участка одна из тех *правительственных* дач, о которых я говорил, расположена. Дача эта в три этажа. Первые два — кирпичные, третий — бревенчатый, в русском стиле. Вплотную к особняку въезд в подземный гараж пристроен. В особняке — десять комнат внизу, по шесть — на втором и третьем этажах, кроме того несколько каминов, три ванных, телефон-”вертушка”... Такой дом на деньги невозможно оценить, да и редко у кого такая сумма найдется, чтобы его приобрести. Впрочем, одними деньгами не обойтись. Даже если у какого-нибудь торговца миллион-другой-третий и найдется, то еще специальное разрешение от властей нужно, чтобы в этой правительственной зоне поселиться. Тем не менее и сумма нашлась, и разрешение было. В этой даче еще несколько лет тому назад прекрасный, любезный Эраст со старушкой, своею матерью, летом, весной и осенью, а то и зимой иногда отдыхал.

Отец Эраста предельно известным и не менее богатым человеком был. Своего завидного положения он упорными каждодневными трудами, на литературном и общественном поприще подвизаясь, к середине своей сравнительно недолгой жизни добился. Несколько нашумевших романов, повестей, сборников рассказов, стихов, эссе, труды по философии, литературная критика, несколько сценариев не менее нашумевших фильмов, тексты популярнейших шлягеров, регулярные выступления с проблемными статьями на животрепещущие темы в центральной прессе, многочисленные и неизменно сенсационные вы-

ступления по телевидению, шумные турне по капиталистическим странам, активная полемика по вопросам политики и литературы со своими буржуазными коллегами, массовые переиздания его книг на Западе – всё это с течением времени его супруге и единственному наследнику вполне безбедное существование обеспечило. После смерти отца благосостояние Эраста и его матери благодаря присоединению СССР к Всемирной конвенции об авторском праве ничуть не уменьшилось, а даже значительно увеличилось, поскольку к гонорарам за посмертные переиздания отца доходы от изданных на Западе книг самого Эраста прибавились, который с не меньшей активностью, чем его отец, тем же самым делом продолжал заниматься. К тому же бедная вдова, почти беспрепятственно слезы о смерти мужа своего проливая – *ибо и в советском истеблишменте любить умеют!* – день ото дня слабее становилась и вскоре совсем вкус к общественной деятельности потеряла. Один Эраст, который остался после смерти отца тридцати лет – один Эраст, своей нежной молодости и редкой своей красоты не щадя, день и ночь трудился – сценарии писал, за рубеж ездил, цикл телепередач вёл, проблемные статьи печатал, на коктейлях по посольствам и на загородных пикниках со своими буржуазными коллегами полемизировал, делу охраны окружающей среды и контактам с Западом активно способствовал. Чувствительная, добрая старушка, неутомимость сына видя, часто его к слабобьющемуся сердцу прижимала, Божеской милостью его называла, кормилицем, отрадой своей старости и Бога молила, чтобы Он Эраста за всё то, что тот для матери и своей страны делает, наградила.

– Бог мне руки и ум дал, чтобы работать, – Эраст говорил. – Ты меня своей грудью кормила, когда я ребенком был – теперь моя очередь пришла тебя кормить. Перестань только грустить и плакать, слезы наши батюшки не оживят.

Но часто нежный Эраст собственных своих слез не мог удержать – ах! он знал, что второго такого отца у него не будет, но для успокоения матери печаль своего сердца таить старался и спокойным и веселым казаться.

– На том свете, любезный Эраст, – старушка горестная отвечала, – на том свете плакать я перестану. Там, сказывают, все веселы будут. Я, верно, весела буду, когда отца твоего увижу. Только теперь не хочу умереть – что с тобою без меня будет? На кого тебя покинуть? Нет, дай Бог прежде тебя женить! Может быть, скоро добрая девушка выйдется! Тогда вас, милых моих детей, благословя, перекрещусь и спокойно в сырую землю лягу.

Два года после смерти Эрастова отца прошло. Луга цветами покрылись, и Эраст однажды теплым вечером по Новому Арбату свой голубой мерседес в сторону резиденции американского посла вёл. По пути

несметная толпа у входа в один из баров его удивила, и он, романтическому влечению души повинувшись, затормозил. Дверцу лимузина запев, Эраст мимо толпы к бару небрежно направился, на популярность своей внешности среди швейцаров надеясь. В самом деле — он в своих расчетах не ошибся. Швейцар его только было пропустить собрался, как юная светловолосая девочка в сверхкороткой юбочке, из под которой кружева трусиков соблазнительно выглядывали, в неизменно прозрачном батничке, с соблазнительно обнаженной грудью и с венком из живых цветов на голове ему дорогу загрозила.

— Пожалуйста, если вам не трудно, меня с собой захватите,— обворожительно улыбаясь, она попросила.

Эраст удивился, покраснел, на экстравагантную девушку взглянуть робко осмелился, еще больше покраснел и, глаза в землю потупив, с ласковой улыбкой сказал:

— Пожалуйста, прекрасная девушка, пойдёмте. Вы не знаете, почему сегодня так много народа в этот в общем-то посредственный бар попасть старается?

— Сегодня там "*Второе дыхание*" играет,— девушка ему ответила.

— Что это за "*Второе дыхание*"?

— Самая клёвая группа. Шизобвая.

— О, в таком случае, конечно, пойдёмте.

— Только я не одна. Я с герлэй и френдáми.

— Что ж,— Эраст ответил,— в таком случае я и ваших друзей приглашаю.

С этими словами Эраст, девушка и её друзья в бар входят. Эраст место за стойкой занимает, молодые длинноволосые люди вокруг с шумом рассаживаются, девушка ему свой венок на голову под одобрительное гиканье друзей надевает.

— Это тебе, мен, в знак благодарности от центральной хипповой системы. За то, что нас на сейшн провел.

— Просто так твои цветы я принять не могу, девушка. Хочешь, ты мне их продашь? — Эраст лукаво у нее спрашивает.

— Хочешь! — молодые люди наперебой радостно закивали.— Сколько дашь? У нас башлей на кир и на кайф мало!

— А сколько вам надо?

— Файфушник! — девушка воскликнула.

— Это сколько?

— Пять рублей.

— Это слишком дешево. Вот вам, — Эраст в портмоне порыскал, — тоже в некотором роде *файфушник*.

И пять сторублевых ассигнаций ей нежно протягивает.

— Я думаю, что прекрасные цветы, руками прекрасной девушки сорванные и в ее прекрасных волосах побывавшие, этих денег стоят.

*La, la, la, la, la, la, lovely Linda. With a lovely flower in her hair!* — Эраст негромко из Маккартни пропел.

Вой восторга из молодых людей вырвался. Девушка на Эраста с обожанием посмотрела.

— Я хотел бы каждый день такие цветы у тебя покупать, хотел бы, чтобы ты их только для меня рвала...

Тут "*Второе дыхание*" оглушительно заиграла. Девушка, об Эрасте позабыв, со своими друзьями какие-то ультрахиповые танцы один за другим в экстазе танцевала. Эраст девушке поклонился и хотел идти, но девушка за рукав его остановила.

— Ты куда?

— Домой.

— А где твой флэт?

Эраст свой адрес назвал. Он в высотном доме на Котельнической набережной жил. Адрес назвал — и пошел. Девушка его не удерживала. Может быть, потому что "*Второе дыхание*" как раз очередную *забойную* вещь играть начинала.

Эраст, домой вернувшись, матери, что с ним случилось, рассказал и цветы ей показал.

— Хорошо ли ты сделал, что деньги девушке дал? Может быть, это какая-нибудь дурная девушка...

— Ах нет, матушка! Я этого не думаю. У нее такое доброе лицо, такой голос.

— Однако ж, Эраст, молодые люди, которые ее окружали, могут дурными молодыми людьми оказаться. Они могут твой подарок во зло употребить. Они могли даже тебя обидеть! У меня всегда сердце не на своем месте бывает, когда ты в рестораны ездишь. Я всегда свечу перед образом ставлю и Господа Бога молю, чтобы Он от всяческой беды и напасти тебя сохранил.

У Эраста слезы на глазах навернулись. Он свою мать поцеловал.

На другое утро Эраст со своими друзьями к себе на дачу поехал. Он за рулем своего мерседеса сидел. Голову его подаренный девушкой венок обвивал. Глаза его, пока он по московским улицам ехал, мечтательно кого-то среди прохожих искали. Друзья в шутку предлагали у него этот венок купить, но Эраст отвечал, что цветы непродажные, и то в ту, то в другую сторону смотрел.

Вечер наступил, компании домой возвратиться надлежало, и венок Эраст в Москва-реку бросил.

— Никто не владеет вами! — Эраст цветам сказал, какую-то грусть в своем сердце чувствуя.

На другой день вечером он в своей комнате возле окна сидел, писал и диск *Махавишну* по своей японской квадросистеме слушал. Но вдруг от звонка в дверь вскочил и бросился открывать.

— Ах!.. — он воскликнул.

Молодая незнакомка за дверью стояла.

— Что с тобой случилось? — испугавшаяся мать из другой комнаты крикнула.

— Ничего, матушка,— Эраст робким голосом отвечал,— я только её увидел.

— Кого?

— Ту девушку, у которой я цветы купил.

Старушка в прихожую вышла. Юная барышня в ажурных трусиках с ней с такой приятной улыбкой поздоровалась, что она о ней ничего, кроме хорошего, подумать не могла.

— Привет, бабуля! — она сказала.— Я обалденно устала. Не найдется ли у тебя чего-нибудь кирнуть?

Услужливый Эраст, ответа от своей матери не дождавшись — может быть, потому что он этот ответ наперед знал — в комнату побежал, стакан из буфета схватил и, хотя стакан чистым был, на кухню его побежал вымыть, белым полотенцем вытер, потом опять в комнату вбежал, из бара бутылку виски, а из морозильника лёд вынул и девушке подал, но сам в пол смотрел. Девушка в комнату прошла, из стакана отпила и Эрасту — мол, сам теперь попробуй! — протянула. Эраст выпил, и нектар из рук Гебы вкуснее не мог бы ему показаться. Всякий догадывается, что девушка после этого Эраста благодарила, и не столько словами благодарила, сколько взорами.

Между тем добродушная старушка девушке о своем горе и утешении успела рассказать — о смерти мужа и о милых свойствах своего сына, об его трудолюбии и нежности и проч. и проч. Девушка её, казалось, со вниманием слушала, но глаза её были — нужно ли сказывать, где? И Эраст, робкий Эраст изредка на юную девушку посматривал, но не так скоро молния блеснит и в облаке исчезает, как быстро голубые глаза Эраста к полу обращались, с её взором встречаясь.

— Мне хотелось бы,— девушка матери сказала,— с твоим Эрастом завтра весь день провести, за город поехать, а вечером куда-нибудь подринькать сходить. Вообще мне ваш флэтушник нравится. Кайфовый флэт. И вообще я могу вечера у вас проводить, музыку за кайфом слушать. Тогда ему незачем будет вечерами из дому уходить, и ты не будешь с ним расставаться.

Тут в Эрастовых глазах радость, которую он тщетно скрыть хотел, блеснула. Щеки его, как заря в ясный летний вечер, пылали. Он на левый свой рукав смотрел и правой рукой его щипал. Старушке это предложение ужасно понравилось, она его с охотой приняла, в нем никакого худого намерения не подозревая, и уверяла девушку, что романы, её сыном написанные, и фильмы по его сценариям снятые, отменно ге-

ниальны и дольше всех других будут, в веках оставшись, читаться и смотреться.

Ночь наступила, и молодая девушка уже идти собиралась.

— Да как же нам тебя называть, добрая, ласковая девушка? — старуха спросила.

— Меня Лизой зовут, — она ответила.

— Лизой, — тихонько Эраст сказал, — Лизой!

Он раз пять это имя повторил, как будто бы затвердить его стараясь.

Лиза с ним до свидания простилась и пошла. Эраст её глазами провожал, и мать в задумчивости сидела и, за руку сына своего взяв, ему сказала:

— Ах, Эраст! как она хороша и добра! Если бы твоя невеста такой была!

Всё Эрастово сердце затрепетало.

— Матушка! матушка! как этому статья? Она — *хиппи*, молодая, прекрасна, а между нами... — Эраст речи своей не договорил. — На что я ей? На что я ей со своими деньгами, со своим положением!?

Теперь читатель должен знать, что эта юная девушка, эта Лиза довольно бедной и даже нищей девушкой была, с недалеким умом и добрым сердцем, добрым от природы, но слабым и ветреным. Она рассеянную жизнь вела, только о своем удовольствии думала, его в хипповых забавах искала, но часто не находила, скучала и на свою судьбу жаловалась. Красота и богатство Эраста при первой встрече в её сердце впечатление сделали. Она иногда его фильмы смотрела, шлягеры его напевала и, живым воображением обладая, часто мысленно в те западные края переселялась, в которых девушки её возраста беспечно с миллионерами по лугам гуляли, под водопадами голыми купались, в лимузинах, как горлицы, целовались, на шикарных виллах под розами и миртами отдыхали и в счастливой праздности все дни свои проводили. Ей казалось, что она в Эрасте то нашла, что сердце её давно искало.

”Благополучная, обеспеченная жизнь меня в свои объятия призывает, к своим безграничным радостям”, — она думала и решилась — по крайней мере на время — свою хипповую компанию оставить и от своих друзей-наркоманов отойти.

Теперь к Эрасту обратимся. Ночь наступила, мать сына своего благословила и ему кроткого безмятежного сна пожелала. Но на сей раз её желание не исполнилось. Эраст очень худо спал. Новый гость души его, образ Лизин, столь живо ему представлялся, что он почти всякую минуту просыпался, просыпался и вздыхал.

Еще до солнечного восхода Эраст встал, на гранитную набережную

Москвы-реки спустился, на парапет напротив своего дома сел и, пригнувшись, на белые туманы смотрел, которые в воздухе волновались и, вверх поднимаясь, блестящие капли на сером покрове набережной оставляли. Везде тишина царствовала. Но скоро восходящее светило дня весь город пробудило — улицы, переулки народом оживились, птички вспорхнули и запели, цветы на клумбе свои головки подняли, чтобы животворными лучами света напитаться. Но Эраст всё еще пригнувшись сидел. Ах, Эраст, Эраст! Что с тобой сделалось? До сегодняшнего дня, вместе с птичками просыпаясь, ты вместе с ними утром веселился, и чистая, радостная душа в глазах твоих светилась, подобно как солнце в каплях небесной росы светится. Но теперь ты задумчив, и общая радость природы твоему сердцу чужда.

Между тем вполне эмансипированная красивая молодая девушка *его круга*, которая в его доме жила и ему статьи для АПН в свое время, он помнит, заказывала, теперь возле него такси, чтоб на работу ехать, ловила. Эраст на нее свой взор устремил и думал:

"Если бы та, кто теперь мысли мои занимает, вот такой девушкой из АПН была рождена и если бы она теперь возле меня такси ловила, хотя вон в двух шагах на стоянке сколько свободных машин стоит! ах! я бы с улыбкой ей поклонился и приветливо бы сказал: "Здравствуй, любезный редактор! Куда ты едешь? Да я сейчас номер твоего шефа наберу и скажу, что ты мне на всю неделю для редактирования моей новой книги нужна и..." Она бы тогда на меня с ласковым видом взглянула — может быть, за руку взяла бы... Мечта!"

Одному из шоферов на стоянке надоело стоять и он, к девушке подъехав, её увез, за высотным зданием скрывшись.

Вдруг Эраст шум мотора услышал, обернулся и — такси увидел, а в такси — Лизу.

Все жилки в нем забились и, конечно, не от страха. Он встал, хотел идти, но не мог. Лиза из такси вышла, к Эрасту подошла и — мечта его отчасти исполнилась, ибо она *на него с ласковым видом взглянула, за руку взяла...* А Эраст, Эраст с потупленным взором стоял, с огненными щеками, с трепещущим сердцем, руки у неё не мог отнять, не мог отвернуться, когда она розовыми своими губами к нему приближалась... Ах! она его поцеловала, с таким жаром поцеловала, что вся вселенная ему в огне горящею показалась!

— Милый Эраст! — Лиза сказала, — милый Эраст! я тебя люблю! — и эти слова в глубине его души отозвались, как небесная, восхитительная музыка. Он едва ушам своим смел верить и... Но я кисть бросаю. Только скажу, что в эту минуту восторга робость Эрастова исчезла — Эраст узнал, что он любим, новым чистым открытым сердцем страстно любим.

Они на парапете сидели, и так, что между ними немного места ос-

тавалось — друг другу в глаза смотрели, друг другу говорили: меня люби! и два часа мигом им показались.

Наконец Эраст вспомнил, что его мать может о нем беспокоиться. Лиза тоже, оказывается, сегодняшний день с Эрастом не могла провести. Надлежало расстаться.

— Ах, Лиза! — Эраст сказал. — Всегда ли ты меня любить будешь?

— Всегда, милый Эраст, всегда! — она отвечала.

— И ты мне в этом клятву дать можешь?

— Могу, любезный Эраст, могу!

— Нет! мне клятвы не надобно. Я тебе верю, Лиза, верю. Неужели ты бедного Эраста обманешь? Ведь этому нельзя быть?

— Нельзя, нельзя, милый Эраст!

— Как я счастлив! и как матушка обрадуется, когда узнает, что ты меня любишь!

— Ах нет, Эраст! ей ничего не следует говорить.

— Отчего же?

— Старые люди такими подозрительными бывают. Она себе что-нибудь дурное вообразит.

— Этого не будет.

— Однако прошу тебя об этом ей ни слова не говорить.

— Хорошо, тебя надо послушаться, хотя мне ничего от неё таить не хотелось бы.

Они простились, в последний раз поцеловались и решили каждый день под вечер встречаться — или на набережной возле Эрастова дома, или на Новом Арбате, или всё равно где, только лишь бы непременно встречаться. Эраст Лизе денег дал, потом к дому пошел, но глаза его сто раз на Лизу оборачивались, которая в ожидающее её такси села и уехала.

Эраст домой совсем не в таком настроении, в каком из него вышел, вернулся. На лице и во всех его движениях сердечная радость обнаруживалась. "Она меня любит!" — он думал и этой мыслью восхищался.

— Ах, матушка! — Эраст матери своей, которая лишь только проснулась, сказал. — Ах, матушка! Какое прекрасное утро! Как всё весело на улице! Никогда птички так хорошо не поели. Никогда солнце так светло не сияло. Никогда цветы так приятно не пахли!

Старушка, клюкой подпираясь, на балкон вышла, чтобы утром, которое Эраст ей такими прелестными красками описывал, насладиться. Оно в самом деле ей отменно приятным показалось — любезный сын своим весельем всю природу для неё развеселял.

— Ах, Эраст! — она проговорила, — как всё хорошо у Господа Бога! Седьмой десяток на свете доживаю, а всё еще на дела Господни не могу наглядеться. Не могу на чистое небо, похожее на высокий шатер, наглядеться и на землю, которая всякий год новой травой и новыми цветами покрывается. Надобно, чтобы Царь Небесный очень человека



любил, когда Он так хорошо для него здешний свет украсил. Ах, Эраст! кто бы хотел умереть, если бы иногда горя нам не было?.. Видно, так надобно. Может быть, мы душу свою забыли бы, если бы из глаз наших никогда слезы не капали.

И Эраст думал: "Ах! я скорее душу свою забуду, нежели милую мою подружку!"

После этого утра Эраст и Лиза, слова своего боясь не сдержать, всякий день виделись — или в валютных барах, или Эраст Лизу американские фильмы на просмотры по квартирам американских дипломатов водил смотреть, или на дачах у Эрастовых друзей, известных режиссеров, композиторов, публицистов и т.д., но чаще всего под тенью старых сосен на Эрастовой даче. Особенно они за дачным поселком любили гулять, до столетних дубов, глубокий, чистый пруд, еще в древние времена выкопанный, осеняющих. Там часто тихая луна сквозь зеленые ветви своими лучами светлые Лизины волосы, которыми зефиры и рука милого друга играли, посеребряла. Часто эти лучи в глазах нежного Эраста блестящую слезу любви освещали, всегда Лизиным поцелуем осушаемую. Они обнимались, но целомудренная, стыдливая Цинтия за облако от них не скрывалась — чисты и непорочны их объятия были.

— Когда ты, — Эраст Лизе говорил, — когда ты мне скажешь *тебя люблю, друг мой!* когда меня к своему сердцу прижмешь и на меня умильными своими глазами взглянешь, ах! тогда мне так хорошо бывает, так хорошо, что я себя забываю, всё забываю, кроме — Лизы. Чудно! чудно, мой друг, что я, тебя не зная, спокойно и весело жить мог! Теперь мне это не понятно, теперь думаю, что без тебя жизнь не жизнь, а грусть и скука. Без глаз твоих темен светлый месяц, без твоего голоса скучен соловей поющий, без твоего дыхания мне ветрок неприятен.

Лиза своим *высоким меном* — так она Эраста называла — искренне восхищалась и, видя, как он её любит, сама себе милее казалась. Все хипповые оргии ей ничтожными в сравнении с теми удовольствиями, которыми её Эраст развлекал, казались. С откровенным презрением и искренним отвращением она о танцах, забойных группах и наркотиках, которыми прежде её чувства упивались, размышляла.

"Я с Эрастом, как сестра с братом, буду жить, — она думала, — во зло его любви не употреблю и всегда счастлива буду".

Безрассудная молодая хиппушка! ты свое сердце знаешь ли? Всегда ли рассудок царь чувств твоих?

Эраст требовал, чтобы Лиза часто его мать посещала.

— Я её люблю, — он говорил, — и добра ей хочу, а мне кажется, что тебя видеть — великое счастье для всякого.

Старушка в самом деле всегда радовалась, когда Лизу видела. Она с ней о покойном муже говорить любила и ей о днях своей моло-

дости рассказывать, о том, как она в первый раз с милым своим Иваном встретила, как он её полюбил, и в какой любви, в каком согласии с ней жил.

— Ах! мы никогда друг на друга не могли наглядеться — до самого того часа, как люта́я смерть ноги его подкосила.

Лиза её с непритворным удовольствием слушала. Старушка всегда Лизе в десять раз больше денег давать хотела, чем Эраст своей возлюбленной давал. Но Лиза от неё лишнего не брала.

Таким образом несколько недель прошло. Однажды вечером Лиза своего Эраста на даче у него долго ждала. С неба мелкий дождик моросил. Наконец он подъехал, но так невесел, что она испугалась. Его глаза от слез покраснели.

— Эраст, Эраст! что с тобой случилось?

— Ах, Лиза! я плакал!

— О чем? что такое!

— Я тебе всё сказать должен. За меня невеста сватается, дочь одного крупного экономиста, помощника Генерального секретаря. Матушка очень хочет, чтобы я на ней женился.

— И ты соглашаешься?

— Жестокая! можешь ли ты об этом спрашивать? Да, мне матушку жалко, она плачет и говорит, что я её спокойствия не хочу, что она при смерти будет мучиться, если меня при своей жизни не женит. Ах, матушка не знает, что у меня такая милая подружка-хиппушка есть!

Лиза Эраста целовала, говорила, что его счастье ей всего на свете дороже, что после смерти матери она при нем будет жить, у него на даче, в лесу, за городом, на природе, как в раю.

— Однако ж тебе моей женой нельзя быть! — Эраст с тихим вздохом сказал.

— Почему же?

— Ты — хиппи. Зачем я тебе со своими деньгами нужен, со своим положением!

— Ты меня обижаешь. Для меня важнее всего твоя душа, чувствительная, нежная душа. И Эраст, мой клёвый башлёвый мен, всегда моим первым френдом будет.

Он в её объятия бросился. И в эту минуту уже давно погибшей Лизиной непорочности в очередной раз надлежало погибнуть! Лиза в своей крови необыкновенное волнение чувствовала — Эраст ей столь прелестным никогда не казался — никогда его ласки её так сильно не трогали — никогда его поцелуи столь пламенны не были — он ничего не знал, не подозревал, ничего не боялся — мрак вечера желания питал — ни одной звездочки на небе не сияло — никакой луч не мог всю глубину падения осветить. Лиза в себе трепет чувствует — Эраст также,

не зная отчего — не зная, что с ним делается... Ах, Эраст! Эраст! где Ангел-Хранитель твой? Где твоя невинность?..

Заблуждение в одну минуту прошло. Эраст своих чувств не понимал, удивлялся и спрашивал. Лиза молчала. Слов искала и их не находила.

— Ах! я боюсь, — Эраст говорил, — того, что с нами случилось, боюсь. Мне казалось, что я умираю, что душа моя... Нет, не умею этого сказать!.. Ты молчишь, Лиза, Лиза? вздыхаешь? Боже мой! Что такое!

Между тем молния блеснула, и гром грянул. Эраст весь задрожал.

— Лиза! Лиза! — он сказал, — мне страшно! Я боюсь, чтобы гром меня не убил, как преступника!

Грозно буря шумела. Дождь из черных облаков лился — казалось, что природа о потерянной Эрастовой невинности сетовала. Лиза Эраста успокоить старалась и его до машины довела. Слезы из его глаз катились, когда он с ней прощался.

— Ах, Лиза! меня уверь, что мы по-прежнему счастливы будем!

— Будем, Эраст, будем! — она отвечала.

— Дай Бог! Мне нельзя словам твоим не верить, ведь я тебя люблю! Только в моем сердце... Но полно! Прости! Завтра, завтра увидимся. Мне к матушке надо ехать. А ты оставайся, на даче заночуй. Завтра к тебе приеду.

Свидания их продолжались. Но как всё переменялось! Лиза одними невинными ласками своего Эраста довольствоваться уже не могла — одними его любви исполненными взорами — одним прикосновением руки, одним поцелуем, одними чистыми объятиями. Она большего, большего желала и, наконец, ничего не могла желать — а кто свое сердце знает, кто о свойстве нежнейших его удовольствий размышлял, тот, конечно, со мной согласится, что исполнение *всех* желаний — самое опасное искушение любви. Эраст уже для Лизы чем-то загадочным и недоступным не был. Он её воображение воспылять перестал. Платоническая любовь место таким чувствам уступила, которые для Лизы уже не в диковинку были. Что до Эраста, то он, совершенно Лизе отдавшись, ей только одной жил и дышал, во всем, как агнец, её воле повиновался и в её удовольствии свое счастье находил. Он в ней перемену замечал и часто ей говорил:

— Прежде ты веселее бывала. Прежде мы спокойнее и счастливее бывали. И прежде я так твою любовь потерять не боялся!

Иногда, с ним прощаясь, она ему говорила:

— Завтра, Эраст, не могу с тобой встретиться, у меня одно важное дело.

И всякий раз при этих словах Эраст вздыхал.

Наконец пять дней подряд он её не видел и в величайшем беспокойстве был. На шестой день она с печальным лицом пришла и ему сказала:

– Любезный Эраст! Мне с тобой на несколько недель надо проститься. Ты знаешь, что в Таллинне фестиваль хипповой музыки начинается. Я хочу туда со своими френдами поехать.

Эраст побледнел и в обморок едва не упал.

Лиза его ласкала, говорила, что она всегда своего милого Эраста будет любить и думает, что по возвращении она уже никогда с ним не расстанется. Долго Эраст молчал, потом горькими слезами залился, руку её схватил и, на неё со всей нежностью любви взглянув, спросил:

– Может, мы вместе поедem?

– Мы можем и вместе поехать, – она отвечала, – но я не хочу. Для меня такая поездка полным позором кончится. Мои френды меня презирать будут, все будут меня избегать, как недостойную хипповой системы герлу, которая с человеком истеблишмента связалась.

– Ах! если так, – Эраст сказал, – то поезжай, поезжай, куда Бог велит! Но ты можешь от наркотиков умереть.

– Смерть под ширевом – прекрасна, мой милый мен.

– Я умру, если тебя на свете не будет!

– Зачем так думать? Я ведь надеюсь живой остаться, надеюсь к моему клёвому мену возвратиться.

– Дай Бог! дай Бог! Всякий день, всякий час об этом буду молиться. Ах! почему ты читать и писать не умеешь! Ты бы обо всем мне написала, что с тобой случится, а я бы тебе писал – о своих слезах!

– Нет, Эраст, себя береги, для своей подружки-хиппушки береги. Я не хочу, чтобы ты без меня плакал.

– Жестокая герла! Ты думаешь меня и этой отрады лишить! Нет! с тобой расставшись, разве я тогда только перестану плакать, когда мое сердце высохнет.

– Лучше о приятной минуте думай, когда мы с тобой встретимся.

– Буду, буду об ней думать! Ах! если бы она скорее пришла! Любезная, милая Лиза! помни, бедного своего Эраста помни, который тебя больше, чем самого себя любит!

Но я всего не могу описать, что они в эти минуты говорили. На другой день последнему свиданию надлежало быть.

Лиза хотела и с Эрастовой матерью проститься, которая не могла от слез удержаться, узнав, что *ласковая, пригожая барышня* в Прибалтику на курорт уезжает. Она Лизу от себя в подарок денег на дорожные расходы принять упросила, сказав:

– Я не хочу, чтобы Лиза в чем-либо себе отказывала.

Лиза деньги приняла, и старушка её благословениями осыпала.

– Дай, Господи, – она говорила, – чтобы ты к нам благополучно возвратилась и чтобы я тебя еще раз в здешней жизни увидела! Авось мой Эраст к тому времени себе невесту по своему положению найдет. Как бы я Бога благодарила, если бы ты к их свадьбе приехала! Когда

же у Эраста дети будут, то знай, Лиза, что ты их крестить должна! Ах! мне бы очень до этого дожить хотелось!

Эраст подле матери стоял и взглянуть на нее не смел. Читатель легко может себе вообразить, что он в эту минуту чувствовал.

Но что же он тогда чувствовал, когда Лиза, его в последний раз обняв, в последний раз к своему сердцу прижав, сказала:

– Прощай, Эраст!

Какая трогательная картина! Утренняя заря, как алое море, по восточному небу разливалась, Лиза на набережной возле Эраста стояла, в своих объятиях бледного, горестного своего друга держа, который, с ней прощаясь, со своей душой прощался. Вся Москва в молчании пребывала.

Эраст рыдал – Лиза плакала – от него отошла – он упал – на колени встал, руки к небу поднял и на Лизу смотрел, которая в такси удалялась – дальше – дальше – и наконец скрылась. Солнце воссияло – и Эраст, оставленный, бедный, чувств и памяти лишился.

Он в себя пришел – и белый свет ему уныл и печален показался. Все удовольствия Москвы для него вместе с любезной его сердцу Лизой существовать перестали. "Ах! – он думал, – для чего я в этой пустыне остался? Что меня вслед за милой Лизой лететь удерживает? Мир хиппи и наркотиков для меня не страшен, страшно там, где нет Лизы. С ней жить, с ней ширяться и танцевать хочу, с ней умереть или своей смертью её драгоценную жизнь спасти. Постой! постой, милая! я к тебе лечу!"

Уже он хотел за Лизой бежать, но мысль "у меня мать есть!" его остановила. Эраст вздохнул и, голову преклонив, в свой мерседес сел и поехал к московскому корреспонденту "Нью-Йорк Таймс" завтракать. С этого часа дни его днями тоски и горести были. Горести, которую от нежной матери надлежало скрывать – тем сильнее сердце его страдало! Только тогда оно облегчалось, когда Эраст, в густоту леса на своей даче уединяясь, мог свободно слезы проливать и о разлуке с милой стенать. Часто печальная горлица свой жалобный голос с его стенанием соединяла. Но иногда – хотя весьма редко – золотой луч надежды, луч утешения мрак его скорби освещал. "Когда она ко мне возвратится, как я счастлив буду! как всё переменится!" – от этой мысли взор его прояснялся, розы на щеках освежались и Эраст улыбался, как майское утро после бурной ночи. Таким образом около двух месяцев прошло.

Однажды Эраст должен был в аптеку при *правительственной* поликлинике, что в переулке недалеко от Арбата, заехать, чтобы сверхдефицитное импортное лекарство для маминых глаз купить. Его мама глаза лечила. В переулке возле поликлиники ему небольшая компания хиппи встретилась, и среди этой пестрой экстравагантной группки он увидел – Лизу.

– Ах! – Эраст закричал и к ней бросился, но компания вдруг в какой-то скверик повернула. Там Лиза на скамейку села и рецепт на специальном наркотическом бланке только было рассматривать начала, качество его подделки взглядом профессионалки оценивая, как вдруг себя в объятьях Эраста почувствовала. Она побледнела – потом, ни слова на его восклицания не отвечая, его за руку взяла и, от компании в сторону отведя, ему сказала:

– Эраст! обстоятельства изменились. У меня лав с одним мендм. Ты должен меня в покое оставить и меня для собственного своего спокойствия позабыть. Я тебя любила и теперь люблю, то есть всяческого счастья тебе желаю. Если у тебя столярник есть, то дай (Эраст тут же Лизе машинально несколько струблевок из кармана вынул) – позволю мне в последний раз тебя киснуть – и домой ступай.

Прежде, нежели Эраст мог опомниться, она его к своим друзьям подвела и сказала:

– Пипл! чтобы этого менá здесь не было.

Сердце мое кровью в эту минуту обливается. Я в Лизе человека забываю – готов её проклинать – но язык мой не движется – на небо смотрю, и слеза по моему лицу катится. Ах! для чего не роман пишу, а печальную современную бль, этакую советскую "Love Story"?

Итак, Лиза Эраста обманула, сказав, что она в Прибалтику на хипповый фестиваль едет? Нет, она в самом деле в Прибалтику ездила, но фестиваль проводить местные партийные власти как всегда запретили, да хиппи на этот фестиваль особенно и не рассчитывали. Лиза вместо того, чтобы отдохнуть, наркотиками кололась, в клинической смерти побывала, её в местной больнице реанимировали. Потом её как хипповую героиню, *первую герлу в системе*, каковой она после реанимации стала, один московский поп-гитарист, в Советском Союзе больше, чем Джимми Хендрикс в Соединенных Штатах известный, вниманием удостоил. Между ними связь возникла. Здоровье Лизы резко ухудшилось, и ей ничего не оставалось, как, в Москву вернувшись, в доме у этого знаменитого гитариста обосноваться. Она на это решилась и к нему жить переехала, искренний вздох Эрасту своему посвятив. Но всё это Лизу разве оправдать может?

Эраст на улице очутился, и в таком положении, которое никакое перо не в силах описать. "Она, она меня прогнала? Она другого любит? Я погиб!" – вот его мысли, вот его чувства. Жестокий обморок на время их прервал. Одна добрая женщина, которая по переулку шла, над Эрастом, на асфальте лежавшем, остановилась и в память его привести постаралась. Несчастный глаза открыл – с помощью этой доброй женщины встал – её поблагодарил, в машину сел и, сам не зная куда, поехал.

"Мне нельзя жить, – Эраст за рулем думал, – нельзя!.. О, если

бы небо на меня упало! Если бы земля бедного поглотила!.. Нет! небо не падает, земля не колеблется! Горе мне!"

Он из города выехал и вдруг заметил, что по своему привычному маршруту до берега глубокого пруда доехал. Он под тень древних дубов вышел, дубов, которые за несколько недель перед тем безмолвными свидетелями его восторга являлись. Это воспоминание душу его потрясло, страшнейшее сердечное мучение на его лице изобразилось. Но через несколько минут он в некоторую задумчивость погрузился — вокруг себя осмотрелся, мальчика, сына своего соседа по дачному участку, по дороге идущего, увидел, его окликнул, из кармана все деньги, которые при нем были, вынул, что-то около трехсот рублей, и, ему подавая, сказал:

— Любезный Алеша, любезный друг! эти деньги, в Москве будешь, матушке занеси, скажи, что Эраст перед ней виноват, что я любовь к одной жестокой девушке от неё тайл, к Ли... Зачем её имя знать?.. Скажи, что она мне изменила, попроси, чтобы она меня простила, Бог ей помощником будет — руку у неё поцелуй, так, как я теперь твою целую — скажи, что бедный Эраст велел её поцеловать — скажи, что я...

Тут он в воду бросился. Алеша закричал, заплакал, но спасти его не мог. В поселок побежал — люди собрались и Эраста вытащили, но он уже мертвым был.

Таким образом прекрасный душой и телом свою жизнь кончил. Когда мы там, в новой жизни, увидимся, я тебя узнаю, нежный Эраст!

Его на Новодевичьем кладбище рядом с отцом погребли, но деревянного креста на могиле не поставили. Потому-то я на это совдеповское кладбище не хожу и в задумчивости на вместилище Эрастова праха не сижу. Зато я часто за тот дачный поселок гулять езжу. Перед моими глазами пруд струится, надо мной листья древних дубов шумят.

Эрастова мать о страшной смерти своего сына услышала, и кровь её от ужаса охладела — глаза на век закрылись.

Дача опустела. Продавать её пока не торопят. Хотя претендентов на неё много, но самого достойного пока не выбрали. В ней ветер воеет, и суеверные обитатели *правительственных* дач, по ночам этой вой слыша, говорят:

— Там мертвец стонет, там бедный Эраст стонет!

Лиза до конца своей недолгой жизни несчастлива была. О судьбе Эраста узнав, она утешиться не могла и себя убийцей считала. Я с ней за месяц до её смерти познакомился. Исколотая наркотиками, с сожженными венами и блуждающим взглядом, она сама мне эту историю рассказала и меня к этому пруду привела.

Теперь, может быть, они уже примирились!

## Куда ведут следы чертиков

Игоря Дудинского знают все. И на Востоке, и на Западе. Это замечательный журналист, эссеист, оратор и вообще душа всего парадоксального, почти "провокационного", что происходило и происходит в кругах русской богемы – как здешней, так и европейской. Дудинский – автор многих литературных и социальных проектов, которые он редко доводил до реализации, но за этим дело не становилось – и деловитые полупоследователи-полуплаггиаторы со склонностью к гешефту делали это за него. Эта яркая личность, вдохновитель и идеолог змсковской богемы имеет еще и чисто творческий лик – лик серьезного и трагического литератора, скрытый до настоящего времени от публикации как благодаря цензуре, так и благодаря его "спокойному" отношению к публикации своих произведений. И тем не менее эта ипостась Дудинского является, быть может, наиболее сущностной и ревелативной.

В этом сборнике публикуются первые рассказы Дудинского – молодого человека, кометой ворвавшегося в салон "черной литературы" Ю.В. Мамлеева (современного Достоевского, как его называют западные критики). Эти рассказы – проба пера, зарисовки, но именно они впервые сделали Дудинского известным. Сам Ю.В. Мамлеев сразу же выделил и оценил "Записочки Феденьки Монахова", где несмотря на молодость их автора уже вовсю дышит та глубина трагической безнадежности и бесстрашия перед психопатологической пустотой реальности, которая стала доминантой всей последующей беллетристики Дудинского.

Но не только безупречно inferнальная и изобильно подсознательная неометафизичность Мамлеева и окружающих его эзотериков сразу же включила Дудинского в свой творческий мир – полный разноцветных ужасов, разоблачений изнаночности и подчёркнуто антинормальных грез. Его ориентиром стало также более социально заостренное творчество И. Холина – и именно холинский минимализм (особенно его стихов и эпохальной новеллы "Англичанин, тянем!" из бесконечного, так и недописанного романа "Кошки-мышки") стал в чем-то стилистической формой И. Дудинского.

Появление первых ранних рассказов в этом сборнике обусловлено отчасти и нелитературным отношением самого Дудинского к своему творчеству. Для него, как для Уайльда, искусством является сама его жизнь, а потому коль скоро речь дошла до повествования об этой жизни – то важно начать сначала, а не поразить читателя литературным совершенством более поздних и зрелых работ. С "Записочек Феденьки Монахова" начинается путь в бездну и тьму – туда, куда ведут следы чертиков человека, обреченного на отсутствие иллюзий и знающего цену надежде.

Другие рассказы из сборника – фрагменты становления – подчеркнута коротки, в них автор как бы торопится зафиксировать ситуацию отчаяния, безнадежности, пытается "улыбаться в аду", немножечко погугать. Но это ничего не имеет общего с традиционным для подпольной литературы конца 60-х – начала 70-х псевдоизысканным ерничеством и социальным критиканством. Даже в шутках Дудинского дышит бездна – та же, что и у Ю. Мамлеева, но одновременно сузубо личная, интимная, обесценивающая "внешнее" уникальным творческим образом. И "Чаепитие", и "Батяня", и даже полушутливый вариант "Бедной Лизы" на современном фоне начала 70-х – произведения метафизика, а не художника соцарта, хотя основная ночь проблемы остается здесь за кадром – и тот, кто не видит ее, скорее всего не умеет разгадывать шифры истинных трагедий.

С этого сборника начинается облачение в литературную плоть блестящего интеллектуала, носителя прямого контакта с признаваемой, но не принимаемой им энтропией Бытия.

Александр ДУГИН



## СОДЕРЖАНИЕ

Записочки Феденьки Монахова . . . . .	3
Чаепитие . . . . .	16
Батяня . . . . .	21
Бедный Эраст . . . . .	23
<i>Александр Дугин. Куда ведут следы чертиков . . . . .</i>	<i>39</i>

